

«МГ» продолжает публиковать автобиографические очерки ныне жителя немецкого Ганновера Якова Фарбера, известного организатора здравоохранения, хирурга, заслуженного врача РФ, писателя, журналиста и краеведа, основателя музея истории медицины в Тамбове и победителя литературного конкурса им. М.А.Булгакова «МГ» 2011 г. Предыдущие очерки были связаны с пресловутым «делом врачей» и медицинской практикой в 50-е годы прошлого века.

Мне вспоминается один трагикомичный эпизод, случившийся в самом начале моей хирургической практики в Шехмани, и он как раз был связан с моими преувеличенными опасениями разных осложнений. Однажды утром мне позвонила заведующая районным отделом здравоохранения и испуганным голосом сообщила: «К вам поехал первый секретарь райкома партии. У него заболела жена, и он, по-видимому, оставит её у вас в больнице для наблюдения».

Я спустился в поликлинику, в свой кабинет, и морально подготовился к «высокой» встрече. Ранее мне доводилось видеть первого секретаря, но лично я не был с ним знаком. Через полчаса гость подъехал и представил мне свою супругу Нину Алексеевну, а уж потом, протянув руку, назвал Александром Васильевичем Поречиним. Такая форма представления мне понравилась, и между нами сразу установилась доверительная, непринуждённая атмосфера.

Выслушав жалобы, я приступил к осмотру больной, но буквально с первых минут понял, что мне не удастся как следует сделать это из-за необыкновенной полноты. Прощупать что-либо в брюшной полости не представлялось возможным ещё и потому, что больная щадяще напрягала брюшную стенку, больше слева, чем справа. К тому же жалобы не соответствовали данным осмотра. В те времена, когда ещё и в помине не было лапароскопии, при затруднениях в диагностике заболеваний органов брюшной полости самым надёжным было вскрытие брюшной полости. Так я обычно и поступал, но ведь здесь речь шла о «первой даме» района! Одним словом, я струсил и подумал, что будет правильнее отправить Нину Алексеевну в Тамбов к более опытным специалистам. Я написал направление, но сначала решил предварительно переговорить по телефону с заведующим хирургическим отделением доктором Люцидарским.

* * *

На следующий день Александр Васильевич позвонил мне сам и сообщил, что положил Нину Алексеевну в областную больницу, но сразу был вынужден уехать по неотложным делам в район. Сейчас собирается в Тамбов навестить супругу, полагая, что её прооперировали. Обещал по возвращении позвонить ещё раз.

Вместо обещанного звонка около семи часов вечера дверь в мою каморку шумно распахнулась, и вошёл разъярённый Поречин. Мне был задан только один вопрос:

– До каких пор вы будете играть в «футбол» и издеваться над моей супругой?

Ответа, естественно, на этот риторический вопрос не последовало. Я даже не осмелился расспрашивать пребывающего в гневе мужа о том, что же произошло в областной больнице. Только задал вопрос:

– Где сейчас Нина Алексеевна?

– Да вон, сидит в машине. Она уже устала от ваших «забот», а живот продолжает болеть. По дороге дважды остановились, её всё время тошнит.

Я привёл больную под руки в кабинет и ещё раз самым

заставили сесть, свесить ноги и опереться на спинку головного конца кровати.

Вполне довольный собой, я пошёл в операционную. Когда завершал первую операцию, кажется, грыжесечение, в операционную вбежала постовая медсестра и в большом испуге прокричала:

– На Нину Алексеевну человек упал!

– Кто упал? Как упал? Откуда упал?

Закрыв недошитую рану салфеткой, побежал в палату. То,

и он провалился в больничную палату практически на кровать нашей важной больной. От удара правым боком о спинку кровати сломал три ребра. Конечно, последующие операции я отменил и занялся необычным пострадавшим. После обезболивания и тугого бинтования грудной клетки больного уложили в палату. А я отправился осматривать место происшествия.

Вместе с завхозом мы забрались на чердак. Достаточно было взглянуть на крышу, чтобы уяснить причину прогнива-

трит дежурный врач, который сейчас на операции. Ну а мне надо было срочно уехать. Через день, как вам известно, я снова поехал в Тамбов навестить мою дражайшую половину, полагая, что уже всё позади. Захожу в палату, больше похожую на казарму – на 16 человек. Подхожу к постели жены, первый вопрос: «Нина, тебя прооперировали?» «Какая операция? – отвечает. – Меня ещё никто и не смотрел».

Вот это да!.. Я вышел в коридор и позвонил первому секретарю обкома партии. Алексей Михайлович Школьников выслушал меня и сказал, что сейчас подъедет. И действительно, через полчаса мы с ним были уже в кабинете главного врача, туда же вызвали заведующего хирургическим отделением. Отчитали его «по первое число»: «Да как вы могли допустить такое безобразие: в отделении сутки лежит больная, которую надо срочно оперировать, а вы даже не соизволили её посмотреть!»

Тот, конечно, заверил, что сейчас же пойдёт осматривать больную и немедленно доложит главному врачу. Ровно через 10 минут он позвонил главному и сказал буквально следующее: больную посмотрел, показаний к экстренной операции нет. Пусть муж забирает её домой, а если боли появятся вновь, в районной больнице её прооперируют, там есть хирург, которому он полностью доверяет. Забрал я свою Нину, и мы поехали домой...

Вдруг, руководитель района задаёт мне вопрос:

– А как это у вас люди с потолка падают прямо на больных? «Откушанный» коньяк предал мне смелости, и я тоже спросил: – Почему это «у вас», а не «у нас»? Вы хоть раз были в больнице не по личной нужде, а с желанием посмотреть, не нужна ли какая помощь? Взглянули бы на нашу крышу и сразу бы поняли, почему там люди проваливаются. Давайте пойдём на чердак и сами удостоверитесь. – А что? И пошли!

Я забежал в котельную, взял у истопника Егора керосиновую лампу «летучая мышь», и наша «самоотверженная» группа начала восхождение на чердак. Там я попросил держаться осевой линии, затем пригасил свет лампы, и нашим очам сквозь щели и дыры кровли предстало звёздное небо во всей своей красе.

– Да, – сказал Александр Васильевич, – ну, прямо как в планетарии. Всё ясно, пошли обратно.

* * *

Утром следующего дня я запрыгнул на лошадку и двинулся в райцентр. У дверей кабинета председателя райпотребсоюза столкнулся с главным редактором районной газеты Курохтиным, и мы вошли туда вместе. Когда ему объявили, что его кровельное железо по решению бюро райкома передаётся больнице, то чего я только не услышал в свой адрес! «Ранний нахал, стремящийся на чужом хребте в рай въехать» было, пожалуй, самым мягким выражением среди всех прочих. Я молча выслушал гневные речи и сам пошёл в атаку: была ли хоть одна заметка в районной газете, объективно оценивающая бедственное положение районной больницы?! После того, как я рассказал об истории с Падшим Ангелом, мои собеседники приумолкли. К вечеру железо было доставлено в больницу.

НА СНИМКЕ: в Шехмани.

Далёкое – близкое

Падший ангел

тщательным образом осмотрел её. Вызвал лаборантку для того, чтобы проверить лейкоциты и РОЭ. Анализ показал наличие воспаления в брюшной полости, в чём, скорее всего, виноват злосчастный аппендикс. Значит, операция необходима. Вызвал операционную сестру и приказал готовить операционную. Попросил механика запустить движок. Через час я уже стоял за операционным столом и раздумывал, как утончить стенку живота, чтобы «колодец», ведущий в брюшную полость, не был столь глубоким. И опять выручила мой верный помощник медсестра Таисия Ивановна. Она посоветовала подшивать не на полотенца, как это мы обычно делали, а на простыни, и в результате я получил отличный доступ к червеобразному отростку.

Операция, вопреки ожиданиям, прошла довольно быстро и без всяких осложнений. Александр Васильевич всё это время ожидал результата в кабинете главного врача. Когда я ему доложил о благополучно проведённой операции, он заулыбался и пообещал через денёк-другой подъехать, тогда, мол, и расскажет, что произошло в Тамбове.

Через два дня мне предстояло оперировать трёх больных, но прежде чем пойти в операционную, я решил пораньше, до планёрки, сделать обход и «своих» и «чужих» больных – в то время я был в больнице единственным врачом. Возле Нины Алексеевны пришлось задержаться. Из-за опасения послеоперационных осложнений, связанных с её тучностью и малоподвижностью, мы решили её немножко расшевелить: предложили подвигать руками и ногами, а затем

что я увидел, поистине достойно кисти Карла Брюллова, автора известной картины «Последний день Помпеи». Прямо над кроватью больной Поречинной в потолке зияла дыра – огромная, лохматая и грязная. Откинувшись на подушки, Нина Алексеевна полулежала в полумомочном состоянии. Рядом с её кроватью, у ножного конца лежал и стонал какой-то мужик в ватной телогрейке.

Когда с жутким треском разверзся потолок, и в облаке пыли и шлака из образовавшегося отверстия вывалился какой-то тёмный «предмет», женщины палаты решили, что наступил конец света. Соскочив с кровати, в диком испуге они ринулись в коридор. В первый момент я даже растерялся и сразу не мог решить, кому прежде всего нужна моя помощь, но, слава богу, постепенно больная стала приходить в себя. А у меня промелькнула мысль: как хорошо я сделал, когда утром посадил Нину Алексеевну у головного конца кровати, и что было бы с ней, если бы она сидела у противоположного конца. Тут бы обмороком не обошлось, а вся эта история могла иметь печальный конец: провалившийся сквозь потолок мужик, которого потом сотрудники больницы окрестили Падшим Ангелом, запросто мог её убить.

Что же произошло на самом деле? Наши прачки часто развешивали стиральное бельё на чердаке и каждый раз «черты-хались», когда царапали спины о торчавшие гвозди. Вот они и попросили дядю Ваню из деревни Хреново загнуть эти проклятые гвозди. Он уже почти завершил эту работу, как вдруг прогнившие чердачные перекрытия заходили под ним ходуном

ния потолочного перекрытия. Кровля напоминала шахматную доску, где чёрными квадратами были листы железа, а белыми – пластины шифера. Стыковать эти разнородные кровельные материалы довольно трудно, и между ними свободно пролезала ладонь. А само железо было настолько ветхое, что выглядело как решето. Я спросил завхоза:

– Как жить-то будем? Что-нибудь предпринималось для ремонта кровли?

– А как же! Ещё как предпринималось, но ответ всегда был один: «Железа нет».

– А районное начальство знает о нашем бедственном положении? Бывали ли они когда-нибудь на чердаке?

– Да их калачом туда не заманишь. Только и знают: «Денег нет, а на железо нет лимита».

После всей этой истории с Падшим Ангелом настроение было преотвратнейшее. Даже музыка не доставила мне радости, хотя вечерами я любил просиживать у купленного на первую зарплату батарейного приёмника «Родина» и слушать классические произведения великих мастеров и запретные в то время в России «тлетворные» джазовые мелодии. Причиной моей хандры было ощущение полной беспомощности. Ну что я могу сделать, чтобы хоть как-то защититься от затопления здания в преддверии начинающихся осенних дождей?

Мои горестные размышления прервал стук в дверь, и, не дожидаясь отклика, в комнату вошёл Александр Васильевич. Ну, подумал я, сейчас начнётся... Муж оперированной больной, да ещё облечённый властью человек, будет метать громы и молнии – как могло случиться такое происшествие, которое чуть не угрозило его жене! Но нет, мой гость во весь рот улыбался и извлёк из чемоданчика две бутылки коньяка. Потом подошёл к окошку, кликнул своего водителя, и вскоре тот принёс целую корзину всякой снеди. Очень оперативно и со знанием дела шофёр первого секретаря Яков Фёдорович сервировал стол, и уже через пять минут мы втроем приступили к пиршеству.

И Александр Васильевич рассказал, что происходило в Тамбове и почему Нину Алексеевну там не прооперировали.

– Привёз я Нину Алексеевну в областную больницу, – начал он, – время было уже где-то около 16 часов. В приёмном отделении меня заверили, что её, как только освободится, посмо-